

ИМПЕРИЯ СОЛИ

ДАРИЕН

C. F.
IGGULDEN

DARIEN
IMPIRE OF SALT

BOOK 1

fanzon

Москва

2019

КОНН
ИГГУЛЬДЕН

ДАРИЕН
ИМПЕРИЯ СОЛИ

КНИГА ПЕРВАЯ

fanzon

Москва

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
И26

C. F. Iggulden
DARIEN: EMPIRE OF SALT
Copyright © Conn Iggulden, 2017

Cover by Larry Rostant

Разработка серии
и дизайн переплета *А. Саукова*

Иггульден, Конн.

И26 Дариен / Конн Иггульден ; [пер. с англ. А. Третьяковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 400 с.

ISBN 978-5-04-098697-2

Каждый стремится достичь своих целей в Дариене, городе древней Империи Соли. Элиас Пост, охотник с даром предвидения, хочет найти снадобье от чумы и спасти двух оставшихся в живых дочерей. Авантюрист и вольный стрелок Дидс заманивает Элиаса в армейский лагерь, чтобы получить от своего начальника-генерала хороший куш.

Воришка Трифолд мечтает попасть в белую гробницу, затерянную в черной пустыне. Распечатать защитную магию гробницы ему поможет лишь Нэнси, которая жаждет отомстить за смерть отца.

Ну а к старику Теллиусу — мастеру боевых искусств — прибывается очередной ученик, мальчик-голем Артур. Новость о неуязвимом Артуре быстро долетает до королевских ушей, и мальчик становится фаворитом при дворе. Теллиус остается ни с чем, но сдаваться он не собирается, впрочем, как и остальные герои, а на город тем временем надвигается армия генерала Джастана. Похоже, теперь битвы не избежать!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© А. Третьякова, перевод
на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098697-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Риск

Он был охотником, Элиас Пост, и хорошим охотником. Старейшины деревни отзывались о его мастерстве с невероятной гордостью, словно они каким-то образом приложили к этому руку. Жители Вайберна верили, что Элиас добудет им мясо даже в самые темные зимние месяцы, в то время как в других селениях умирали старики и дети.

Земля давно истощилась, хотя фермеры по-прежнему трудились на ней, выжимая скудный урожай с каждого клочка почвы, оберегая медленно растущие культуры от ворон и прожорливых голубей. По голым холмам еще бродили овцы. Белые голуби стучали клювами по клеткам, выглядывая сквозь прутья. От длинных рядов ульев доносилось гудение пчел. Возможно, пищи хватило бы всем, если бы лес не выжгли, чтобы засеять землю масличными семенами для нужд города: люди предпочитали зарабатывать серебро, а не добывать еду. Элиас не мог судить их за этот выбор, плох он был или хорош. Когда за последние несколько лет зернохранилище опустело, когда всех кроликов из садков переловили силками, голод протянул в деревни костлявые пальцы и вперил свой взор в покачивающихся у костра стариков.

Впервые Элиас стал выходить на охоту еще мальчишкой, а к матери он возвращался с триумфом, сжимая за горло уток или заткнув за пояс целую охапку зайцев — в такие минуты казалось, будто Элиас нацепил на себя серую меховую юбку.

Летом зайцев водилось в избытке, но признание в деревенском совете Элиас заслужил в самый разгар зимы. Когда ударили морозы и мир погрузился в белую тишину, Элиас оставался надежным добытчиком оленины и куропаток, зайчатины, а иногда даже волчатины или медвежатины — когда в лесу лежал глубокий снег. Лисьего мяса Элиас не признавал, хотя и ловил лисиц, чтобы те не мешали плодиться зайцам. Лисы казались ему гадкими на вкус, а их запаха он и вовсе не переносил.

Когда Элиасу стукнуло сорок, ему предложили место в деревенском совете. Он с гордостью стал посещать встречи, проходившие в первый день каждого месяца. Теперь у Элиаса был не только его дар: он обзавелся авторитетом, который укреплялся год от года. Элиас носил его словно мантию, которую приходится надевать, хочешь ты того или нет. Говорил он нечасто и лишь тогда, когда знал предмет достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в своих суждениях.

Единственным камнем преткновения стало его нежелание взять ученика, но все понимали, что сын все равно пойдет по стопам отца, когда вырастет. Что плохого в том, что Элиас предпочитает хранить секреты своего искусства внутри семьи? Когда любой другой охотник возвращался из леса с пустыми руками и заиндевшей бородой, всегда находился кто-нибудь, кто начинал ворчать. А затем появлялся Элиас, сгорбленный под весом взваленных на плечи звериных туш, весь черный от застывшей на морозе крови. Он

никогда не смеялся над другими охотниками и не бахвалился перед ними, но некоторые ненавидели его. Эти гордецы не хотели позориться на глазах у членов своих семей: не помогало даже то, что Элиас охотно менял свои трофеи на какие-нибудь товары или на монеты. Никто не враждовал с ним, ведь местные жители не были глупцами и понимали, что один Элиас Пост важнее для деревни, нежели сотня других охотников. Никто не хотел отставать от других, не хотел уходить в город в поисках работы. Такое ничем хорошим не заканчивается, любой это знал. Когда юные девушки сбегали в Дариен, их родители даже проводили незамысловатую похоронную церемонию, словно проводжали своих детей на смерть. Быть может, в назидание остальным девицам.

Говорят, тем летом чума приехала в одной повозке с торговцем снадобьями. Поначалу она стала настоящим бичом в тех селениях, где люди жили столь тесно, что вши и мухи перескакивали со щеки на щеку, с подбородка на подбородок. Никто не сомневался, что болезнь — это кара за сожительство во грехе. Людям рано приходилось узнавать, что жизнь не стерпит почти никаких удовольствий. Чума начиналась с сыпи и ею же и заканчивалась. Правда, после нескольких дней жара и зуда здоровье возвращалось. Это вселяло надежду, но некоторые спустя неделю мучительной боли так и не вставали, а оставались лежать — холодные, с широко раскрытыми глазами.

Болезнь в тот год оказалась жестока и не пощадила никого.

Собравшись в первый день осени, прокторы деревни не удивились, обнаружив место Элиаса пустым. Они принялись бормотать имя Элиаса Поста со скорбью и сожалением. Они уже знали. Вайберн был тесен.

Неделю тому назад погиб его сын Джек: веселый черноволосый мальчик слег от чумы и покинул бренный мир, превратив сердце своего отца в кусок речного льда. В ту ночь, сидя у постели сына, охотник постарел на столько же лет, сколько мальчику довелось провести на земле.

Под конец Элиас прошел целую милю лишь для того, дабы помолиться в храме, что стоял за пределами Вайберна — на дороге, ведущей к городу. Элиас принес подношение: пучок золотых колосьев из последнего урожая. Но Богиня плодородия качнулась на железной цепи и повернулась к охотнику спиной. Когда он, с трудом волоча ноги, вернулся в свой дом, построенный возле деревенской площади, мальчик уже остыл и не шевелился. Элиас опустился рядом и долго сидел, молча глядя на тело своего сына.

Когда взошло солнце, жена и дочери плакали, стараясь не расчесывать нарывы на коже, онемевшие от страха, да и сами бледные, как покойницы. Элиас поцеловал их всех по очереди, и на губах у него остался соленый привкус блестящих капель пота.

Элиас надеялся, что чума заберет и его, и, пробудившись после недолгого сна, с облегчением обнаружил нарывы на собственной коже и влажный от пота лоб. Видя, что он тоже болен, жена зарыдала, но Элиас обнял ее вместе с обеими дочерьми: комок переплетенных рук, слез и горя.

— Но что бы я стал делать один, любовь моя? Кроме тебя и девочек, у меня никого не осталось. Теперь и Джека нет в живых. У меня еще был шанс на счастливую жизнь, но его у меня отняли. Но я не буду один, Бет! Нет. Что бы ни ждало нас впереди, я вас не брошу. Да и не все ли равно, любовь моя? Мы отправимся за Джеком. Мы догоним его. Пойдем по его следам, куда

бы они нас ни привели. Он будет рад вновь увидеть нас, ты же знаешь, как он будет рад. Его лицо и сейчас стоит у меня перед глазами.

С приходом темноты Элиас понял, что не может сидеть в полной тишине, прерываемой лишь хриплым дыханием родных. Он поднялся с кресла и немного постоял у окна, глядя на залитую лунным светом дорогу.

В то время темнело рано, и таверна была еще открыта. Но Элиасу не хотелось ни эля, ни крепких напитков. Вдобавок у него не было ни монет, ни желания. Яркие огни и шумная толпа влекли его по иной причине.

Элиас понимал, что его вышвырнут на улицу или даже убьют, как только заметят пятна и нарывы на руках. Он скорчил гримасу, значит, так тому и быть, хотя зуд и сводил его с ума. Возможно, в глубине души Элиас хотел, чтобы его убили, хотя сам об этом не подозревал. Одни уходят, другие остаются. Так обстоят дела. Все знали, что хворь передается через прикосновение, но никто не понимал истинную природу чумы. Эпидемии случались и прежде.

Они расцветали летом и угасали в холодные месяцы, что приходили на смену жарким дням. В некотором роде эпидемии стали столь же обыденными, как смена времен года, хотя это мало чем могло утешить Элиаса.

Он повел плечами. Рубаха с рукавами и длинное пальто помогут спрятать отметины. Один нарыв вздулся на голове под волосами и еще один — прямо на кадыке. Элиас посмотрел на свое отражение в зеркале: его кожа напоминала карту с белыми островками посреди розового моря. Он покачал головой и застегнул рубаху до самого верха.

Охота шла гладко, особенно в темноте и на холоде. Элиас бродил по лесу и порой ловил оленя голыми руками — таков был его дар. Он никогда и ни с кем не делился секретами, хотя собирался передать их сыну, когда тот подрастет. От этой мысли на Элиаса накатила такая волна горя, что он уже не мог оставаться в доме. Он выбрал из зловонной кучи тряпья одежду поплотнее и закутался в нее, а на голову нахлобучил фетровую шляпу с изломанными полями, которые хорошо скрывали его лицо. Элиас не мог просто лечь и ждать смерти. В нем разыграло нетерпение — его давняя слабость.

А вот в городе знали лекарство от чумы. Народ рассказывал, что тамошние лекари могли даже мертвого поставить на ноги и заставить танцевать. Однако на такие чудеса требовалось столько монет, сколько простому деревенскому охотнику ни разу за всю жизнь не придется держать в руках.

Осенью Элиас забивал скотину на местных фермах и брал себе несколько почек да обрезков свиных щек в награду за труды. Или помогал рубить дрова в обмен на пару горшков меда. Когда в силки попадались песцы или рыжие лисицы, Элиас сохранял их шкуры, а потом разом продавал торговцу, что жил в двух милях вниз по реке.

Торговец расплачивался с Элиасом настоящими серебряными монетами.

Сам Элиас никогда не бывал в городе, но он знал, что там обитают ученые мужи всех сортов, которым наверняка под силу взнудать смерть. За деньги, конечно, а не по доброте или из большой любви.

Это было понятно, и он не возражал. В мире людей никто никому ничего не должен. Благодаря этому закону Элиас и зарабатывал себе на пропитание.

Элиас держал свои драгоценные монеты в горшке на каминной полке, он хранил их на будущее, на те времена, когда уже не сможет охотиться по колено в снегу, когда его пальцы не смогут крепко сжимать нож. А может, он хранил их на тот случай, если утратит свой дар, как люди лишаются зрения или слуха.

Сунув руку в карман, Элиас ощупал кожаный мешочек, содержимое которого чуть раньше тем же днем он высыпал на стол и пересчитал. Возможно, долгие годы Элиас готовился именно к этому дню, сам того не ведая. Разум — удивительный и сложный зверь, медленный, глубокий, многослойный. Отец Элиаса говаривал, что иногда ему кажется, будто он ребенок, оседлавший огромного быка, и неизвестно, что у быка на уме.

Дюжина лет торговли мехами и мясом принесла свои плоды, и сейчас они легко уместились на ладони.

Но Элиас понимал, что даже этих бесценных серебряных монет ему не хватит. Лекари — люди зажиточные. А богачам нужно золото, кусочки мягкого металла с оттиском в виде профилей других богачей. Сам Элиас никогда не видел золота, но знал, что один золотой нобль отчего-то равен по стоимости двадцати серебряным. Тут имелось даже некое сходство с военными капитанами, которые приходили иногда по весне и набирали юношей себе в рекруты. Каждый капитан командовал двумя десятками человек, приказывал им, что делать и куда идти.

Элиас брел по дороге и думал: интересно, сколько таких капитанов в подчинении у генерала? Дюжина? Или двадцать? А есть ли на свете металл дороже золота? Если даже и был, названия Элиас не знал.

Он размышлял и о других вещах, пока шел к таверне, и мысли его были исполнены скорби, злобы и безрассудства. Он усердно трудился и стал отцом четве-

рых детей. Первое дитя легло в землю, проведя на свете лишь несколько дней. Тогда они с женой были еще молоды, горе переживалось легче, и они могли снова попытаться счастья. Элиас говорил Бет, что они отдали свой долг, утешая тем самым свою жену.

Он говорил, что это — жертва, которая искупит грехи их последующей жизни.

Но когда их сын Джек последовал за первенцем и чесоточная чума протянула лапы к дочерям, Элиас сообразил: это уже не сделка.

Многие из зараженных выживали, так что Элиас не переживал. Поначалу он был твердо уверен, что болезнь пройдет. Элиас закрывал глаза на происходящее вплоть до того момента, когда сын отчего-то похолодел. Его кожа сохранила свой цвет, но разве она не должна быть теплой?

И лишь тогда Элиас понял.

Он учил мальчика читать, буква за буквой. Разве может случиться так, что уроки прекратятся, что он больше не услышит нерешительного лепета, не почувствует на шее вес смеющегося мальчика, когда тот прыгнет на отца из-за двери?

Возможно, это было какое-то безумие, но в тот вечер Элиас чувствовал себя так, будто вырвался из оков, он словно увидел собственную жизнь сквозь стекло и наконец осознал, что ничто уже не важно, кроме тех, кого он любит и кто любит его ответно.

Близилась важная ночь — одна из тех двух ночей в году, когда фермеры торгуют шерстью. Близился великий праздник, Канун жатвы, а вместе с ним и пир, на котором мясо режут толстыми кусками, а деревенские жители целый день пьют за здоровье друг друга и набивают животы до такой степени, что едва могут пошевелиться.

Лето почти закончилось, и торговля шерстью была в самом разгаре.

В таверне собрались мужчины, в карманах у которых позвякивало настоящее серебро, они были довольны собой и опрокидывали в свои глотки темный эль, кружка за кружкой.

Элиас провел влажным языком по губам, пересохшим и стянутым из-за холодного воздуха. Никогда прежде он не использовал свой дар на глазах у других.

Его главный секрет требовал тишины, сумрачных холмов и мороза. Одна мысль о том, чтобы применить его на людях, была сродни тому, чтобы приспустить штаны и прилюдно обнажить ягодицы. Элиас почувствовал, что вспотел, и принялся расчесывать нарывы. Нет, сегодня ночью этого делать нельзя. Нужно держать руки неподвижными, какой бы пыткой это ни казалось. По округе гудят слухи о чуме, и народ знает о том, что его сына поразила болезнь.

Ему вспомнилось, как Богиня отвернула от него свой лик, когда он просил ее за сына, за Джека. От этой мысли Элиасу пришлось крепко прикусить губу до тех пор, пока он не задрожал от боли. Лишь бы из его рта не вырвались проклятия! Быть может, Богиня и глуха к мольбам тех, кто нуждается в ее помощи, но ни единое грубое слово не минует ее уши. Элиас отчаянно пытался отвлечь свой разум от тех яростных мыслей, что кипели и бурлили в его голове.

Он неуверенно вышел на улицу, залитую светом фонарей, и направился туда, откуда доносился смех и звон кружек с элем.

Элиасу удалось проскользнуть в самую гущу пьющей и галдящей толпы и остаться незамеченным. Он не обладал мощным телосложением, а его борода, чуть-чуть тронутая сединой, была коротко подстри-